

Антон Долин: «Русское кино – это прыщавый подросток, бунтующий против родителей»

Знаменитый кинокритик и журналист Антон ДОЛИН встретился с тверскими читателями в магазине «Абракнигабра», представил им свои книги и ответил на самые разные вопросы о кино, литературе и даже о том, как выбрать, куда пойти учиться. Он признался, что предпочитает не смотреть кино, когда есть такая возможность, поделился последними книжными открытиями и рассказал, что всегда мечтал писать «настоящие книги». Ведь рецензия, по словам Долина, — это как связь на одну ночь, тогда как книга — все равно что годы в браке с человеком

А в интервью нашему изданию перед этой встречей он рассказал, почему Джим Джармуш — гений, а Такэси Китано — вечный ребенок, за что стоит поставить памятник Константину Эрнсту и чем современное русское кино похоже на подростка.

— Антон, вы сегодня представляете тверским читателям свои книги, в том числе переиздание книги о Джиме Джармуше. Почему у нее такое название — «Стихи и музыка»?

— Оно концептуальное, мне нравятся такие маленькие уловки в названиях, способы зацепить на крючок внимание читателя. Например, когда я писал книгу о Такэси Китано, я назвал ее «Детские годы», хотя понятное дело, что книга о его детстве вряд ли кому-то могла бы быть интересна. Но моя идея была в том, что он человек, среди талантов которого — способность оставаться ребенком в любом возрасте, и в свои 60 он такое же дитя. Книга была об этом, но чтобы понять это, надо было прочитать ее до конца.

Понятно, что в книге «Джим Джармуш. Стихи и музыка» нет музыки Джармуша или его стихов, хотя на самом деле он и пишет поэзию, и исполняет музыку. Но все фильмы Джармуша тесно связаны с поэтической и вообще литературной стихией с одной стороны и с музыкой с другой, он читатель, слушатель и меломан довольно фанатичный, что позволяет мне чувствовать в нем родственную душу — я тоже такой человек. Джармуш приглашает в соавторы литераторов, поэтов и музыкантов, они играют в его фильмах, пишут музыку к ним, и без их участия эти фильмы трудно представить. И мне показалось интересным пригласить в соавторы музыкальных критиков, чтобы они написали о музыкальных вдохновениях Джармуша, и поэтов, чтобы они написали стихи, вдохновленные его фильмами. Ведь Джармуш снимает фильмы, вдохновленные поэзией, — допустим, «Таинственный поезд» вдохновлен «Кентерберийскими рассказами» Чосера, а «Мертвец» — поэзией Уильяма Блейка. И почему бы поэтам не сделать его фильмы источником вдохновения? И я просто прошелся по 20-30 поэтам, и примерно десять согласились — те, кому Джармуш

был интересен. Так эта книжка и сложилась.

— Это необычная идея для современной литературы о кино.

— У нас, к счастью, нет привычных традиций написания книг о кино или режиссерах, каждый раз придумываешь все с нуля. И это самое интересное. Если не создавать прецедент, а работать по схеме, сразу возникает вопрос: зачем? Книжки же не пишутся ради славы или денег. Они приносят мало денег и гораздо меньше читателей, чем любой пост в соцсети. И единственная внутренняя мотивация — делать так, как тебе нравится, как тебе интересно.

— Можете вспомнить, как вы познакомились с Джармушем, с какого фильма началась эта история?

— У каждого из нас есть период в жизни, когда мы постигаем искусство особенно активно. В моем случае это были 90-е годы, я вступил в них, когда мне исполнилось 14, а закончились они в мои 24 года. Большая часть тех музыкантов, писателей и режиссеров, которых я для себя открыл, пришла ко мне в этот период. Надо сказать, 90-е в плане постижения кино в России были совершенно особенным временем. Закончилось время СССР, и уже практически каждый мог себе позволить купить китайский видеоманитофон, на каждом углу продавались кассеты с любимыми фильмами. И мы все запоем смотрели все. У меня был десяток открытий с разными режиссерами, с Джармушем все случилось с фильмом «Мертвец».

Многие помнят, как «Мертвеца» показали по ОРТ, и за это, думаю, надо поставить памятник Константину Эрнсту. Но я это пропустил, а потом купил фильм на видеокассете. Ничего я о Джармуше не знал, и о Джонни Деппе ничего не знал, хотя вспомнил потом, что видел этого артиста в фильме «Эдвард Руки-ножницы». Я просто поставил кассету в видеоманитофон и совершенно обомлел — от музыки, от картинки, от всего сразу, я моментально во все это влюбился. Я тогда очень увлекался Кафкой и увидел в этом повтор его «Америки», она же «Пропавший без вести», и мне этого уже было достаточно, чтобы полюбить этот фильм. А потом я услышал там Блейка, потом был пленен юмором этой картины, невероятной музыкой Нила Янга и потрясающей операторской работой Робби Мюллера, который с тех пор стал одним из самых любимых моих операторов. После этого фильма я понял, что мне нужен Джармуш, пошел на «Горбушку» и купил три или четыре пиратские кассеты, где были записаны все его фильмы, вышедшие к тому моменту. А следующий его фильм — «Пес-призрак: путь самурая» я смотрел уже на Каннском фестивале, куда поехал корреспондентом «Эха Москвы» в 1999 году. Там же я увидел живого Джармуша, задал ему вопрос на пресс-конференции. Причем сам вопрос уже не помню, важен был сам факт живого общения.

— Вам нередко случается общаться с режиссерами, актерами, людьми мира кино, брать интервью, обсуждать с ними их фильмы. Кого вы назвали бы в числе самых интересных собеседников?

— Вот Джармуш очень интересный. И вообще те режиссеры, про которых я делал книги, они все очень интересны, в основном. Джармуш, Триер и Алексей Юрьевич Герман — я бы их спокойно поставил в топ-3 самых интересных собеседников.

У них у всех всегда много мыслей, много историй. Джармуш, наверное, абсолютный лидер этого условного топа по доброжелательности. Он полностью открыт любому собеседнику, невероятно добродушен, он не ждет от собеседника интеллектуального равенства, а сам устанавливает равенство в диалоге, с кем бы ни говорил. Мне кажется, это чувствуется и в его фильмах: они при всем своем интеллектуальном наполнении очень демократичны, обращены вообще к любому зрителю. На последний его фильм «Мертвые не умирают» меня уговорил взять его с собой мой девятилетний сын, и он остался в полном восторге. По-моему, это свойство гениев — уметь разговаривать со всеми своим искусством.

— Два года назад вышла ваша книга «Оттенки русского: очерки отечественного кино», вы также представляли ее в Твери. За минувшие два года появились ли что-то в отечественном кинематографе, что стоило бы в нее добавить?

— Постоянно что-нибудь появляется. Русское кино очень динамично развивается, очень интересно, каждый год есть какие-то явления, иногда возмутительные, иногда восхитительные. Не хочется называть конкретные имена, потому что кто-то все равно забуду. Русское кино на самом деле — это очень молодой, динамично растущий организм. Это такой прыщавый подросток в самом разгаре акселерации, он бунтует против родителей — советского кино, голливудского кино, пыгается что-то сделать, врет, выпрашивает деньги, словом, типичный подросток. Жанр, в котором можно было

бы написать о формировании новейшего русского кино, — это роман-воспитание. Не все воспитатели безупречны, и иногда процесс идет через пень-колоду, но это не значит, что за ним неинтересно наблюдать.

В этом году, например, фильм или проект Ильи Хржановского «Дау», фильм Нигины Сайфуллаевой «Верность», фильм Кантемира Балагова «Дылда» — три очень ярких для меня кинособытия. На самом деле их гораздо больше, но это то, что моментально вспоминается. Если бы нужно было, я мог бы каждый год составлять десятку достойных русских фильмов.

— Ваша книга заканчивается словами о том, что в русском кино «все хорошо и все плохо». За два года стало лучше или хуже?

— Не стало хуже или лучше. Ничего не меняется в смысле средней температуры. И это температура здорового человека, нет каких-то смертельных болезней. Но да, какие-то эксцессы происходят постоянно. Да мы к этому привыкли. Я не знаю, кем надо быть, чтобы в 2019 году удивиться какой-нибудь очередной возмутительной эскападе Сарика Андреасяна или злорадствовать всерьез, что фильм «Тайна печати дракона» провалился.

— Сейчас в России все чаще снимают вещи, которые на Западе снимали лет 10-15 назад, если не больше, — фантастические фильмы, фильмы-катастрофы, в которых почти нет оригинального. И вместе с тем появилась удивительная страсть переснимать классические советские картины. На ваш взгляд, почему так происходит?

Это две стороны одной медали, конечно. Подростки, с одной стороны, бунтуют против родителей, с другой — их же имитируют. Если подросток вопреки запрету курит — скорее всего, курит кто-то из его родителей. Если мальчик дергает девочку за косичку — мы понимаем, что она ему нравится. Я не могу поддерживать такой способ заигрывания, но эта безыязность русского кино, неспособность по-

нять себя самого и объясниться с миром и с собой, специфическое косноязычие — тоже очень подростковое. Оно и приводит к тому, что мы начинаем на свой лад пересказывать понравившиеся голливудские фильмы с каким-то горячим убеждением, что мы можем не хуже, нам только волю дай и деньги. В этом ничего удивительного, надо относиться к этому с пониманием, это признак слабости, а не силы.

— Вот уже семь лет у нас в стране действует возрастная сертификация кинопродукции. На ваш взгляд, она повлияла на что-то?

— По-моему, нет. С одной стороны, мне она совершенно не нравится. Я вижу, как фильмы, которые вообще не следовало бы показывать детям, получают 0+, потому что они формально как бы детские — просто это отечественное кино, которому нужна помощь. И иногда наоборот: вдруг 16+ ставят фильму «Красавица и чудовище», потому что там есть гей-тема. Также смешотворно: абсолютно детская сказка, никому, кроме детей, по большому счету не интересная.

С другой стороны, везде в мире существуют эти рейтинги. Просто я твердо стою на том, что рейтинг должен быть не запретом, а рекомендацией. Это предупреждение. И если ребенок идет в кино не один, а со взрослым, взрослый должен иметь право своего ребенка, хоть годовалого, на фильм 18+ с собой взять. Это должно быть ответственностью папы или мамы — что их ребенок готов или не готов увидеть, а не ответственностью государства. Я вот лично своего сына, когда ему было 14, водил на фильм «Вьжвивший», у которого стоял рейтинг 16+, потому что там есть сцены жестокости. Извините меня, это типичное приключенческое подростковое кино, его подросткам и надо смотреть, взрослым людям вообще не понимаю, как такое может нравиться.

Текст и фото: Катерина РЫЖОВА

Полную версию интервью читайте на сайте www.afanasy.biz